

Шлиффен наотрез отказал Эрвину. Медицинский спирт на этой Богом забытой станции ценился на вес золота, и тратить драгоценную жидкость на пустые капризы лейтенант не собирался.

— Ваши слова напугали его, — подал голос Ивэнь. Старый, дребезжащий динамик антикварного робота уловил тончайшие колебания атмосферы в помещении.

Шлиффен, проходивший мимо, в сердцах отвесил жестянке пинка.

Сутки на этой крошечной планетке подчинялись привычному ритму смены дня и ночи, и за последнее время Шлиффен успел приспособиться к местному расписанию. Сейчас его немилосердно клонило в сон — да и продолжать этот безумный разговор не хотелось совершенно.

— Если ему станет хуже, сразу стучи ко мне, — бросил Шлиффен роботу и скрылся в своей каюте.

В главном зале повисла тишина. Эрвин облегченно выдохнул. Высказав всё, что накопело, он почувствовал странное облегчение — будто сбросил с плеч груз тайны, которую слишком долго носил в одиночестве.

Ему до сих пор не был известен точный состав препарата, который когда-то ввели в его кровь, но, по крайней мере, мозг не пострадал от необратимых изменений. Пятьдесят лет криогенного сна отозвались скорее изнуряющей физической немощью. Будь он сейчас здоров и полон сил, вряд ли решился бы на подобное откровение перед малознакомым человеком.

«И ладно бы кому... Альфе».

Что утонченный, лощеный Планк, что этот взбалмошный Шлиффен — суть у них одна. Стоит тебе перестать приносить пользу, как они тут же... Эрвин горько усмехнулся собственной мысли.

«Истинная природа альф. Ничего личного, только голый расчет».

Лейтенант даже не подозревал, какие нелестные мысли крутятся в голове его подопечного. Сбросив накопившееся за последние дни напряжение, он едва коснулся подушки и мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон.

Разбудил его яростный, требовательный стук в дверь. Шлиффен с трудом разлепил веки. Оказалось, виной всему не внезапный приступ профессора, а очередной подземный толчок — база ощутимо содрогнулась, и с потолка прямо на лицо лейтенанту посыпалась мелкая серая крошка.

— Тьфу ты, черт! — Шлиффен яростно заплевал скопившуюся на губах пыль. На пороге топтался Ивэнь.

— Господин Шлиффен, система отопления зафиксировала критическую ошибку, — монотонно отрапортовал робот. — До завершения ремонтных работ рекомендуется принять меры по предотвращению переохлаждения. Температура в жилом секторе опустится до двух градусов по Цельсию.

Шлиффен попытался было натянуть одеяло на голову и зарыться поглубже в матрас, но холод наступал неумолимо. Воздух в каюте стремительно остывал, заставляя изо рта вырываться легкие облачка пара. Проклиная всё на свете, он со стоном поднялся и натянул теплую армейскую куртку.

— Эй, рухлядь! Наладил тепло? — крикнул он в коридор, застегивая молнию под самым подбородком.

— Пока нет. Если замерзаешь, выходи сюда, в центральном зале еще тепло, — отозвался глухой голос Эрвина.

Лейтенант помешкал, но в каюте, где из мебели имелся лишь голый матрас, становилось откровенно зябко. Поплотнее завернувшись в куртку, он вышел наружу.

В главном зале действительно царила приятная прохлада, далекая от арктического холода каюты. Шлиффен сладко потянулся, разминая затекшие плечи. На центральном терминале светилась сложная интерактивная схема коммуникаций станции. Сектор, где располагалась его спальня, мигал тревожным оранжевым цветом — похоже, недавний толчок повредил распределительный узел отопления.

— Ивэнь пытается разобраться, — подал голос Эрвин, не оборачиваясь.

— Эта ходячая груда металлолома способна что-то починить? — со скепсисом хмыкнул Шлиффен.

— Он следит за этой станцией уже не одно десятилетие. В свое время я тоже не бегал с гаечным ключом по кабельным шахтам, за меня всё делал он.

В словах профессора была логика, однако на сей раз талантов старого робота явно не хватало — теплее в жилом блоке не становилось.

— И прекрати его пинать, — добавил Эрвин с тихим вздохом. Пылкий нрав молодых альф утомлял его.

Шлиффен, будто назло, проходя мимо замершего робота, слегка поддел его носком тяжелого

армейского ботинка.

— Да ладно тебе, это у нас любя. Дружеский жест, понимаешь?

Робот лишь безмолвно мигнул оптическими датчиками.

Ивэнь послушно провел повторную диагностику контура теплоснабжения, но результат остался прежним. Эрвину пришлось самому углубиться в технический отчет.

— Станция крошечная, но система отопления тут хитрая, — задумчиво произнес он, листая голографические схемы. — Тепло подается от двух независимых геотермальных генераторов. Судя по датчикам давления, трубы целы. Проблема в самом первичном нагнетателе. Твоя каюта сидит на одном контуре с внешними техническими отсеками. Проще всего перетащить твой матрас сюда, в рубку, и спать в тепле.

— А отремонтировать этот твой генератор никак нельзя? — поинтересовался лейтенант.

Эрвин устало потер виски, стараясь говорить как можно мягче:

— Нагнетатели установлены непосредственно над тектоническими разломами. Это глубоко под землей, на приличном расстоянии от купола.

— Ну так я съезжу и починю, — простодушно пожал плечами Шлиффен.

Эрвин на секунду лишился дара речи. Поняв, что спорить с упрямым воякой бесполезно, он лишь махнул рукой.

— Делай что хочешь. Схему я тебе скину.

Шлиффен без малейших колебаний воткнул разъем своего нейроинтерфейса в то самое гнездо, откуда его недавно так знатно шибануло током. К счастью, на этот раз обошлось без искр — в память его чипа плавно залились подробные чертежи и пошаговое руководство по ремонту генератора. Спустя минуту лейтенант уже весело гремел ящиками в углу, с присущей альфам неумной энергией собирая необходимые инструменты по списку.

Профессор сидел в своем кресле, прикрыв глаза — то ли действительно задремал, то ли просто игнорировал суету вокруг. Шлиффен, закончив сборы, бесцеремонно похлопал его по плечу.

Лейтенант демонстративно покрутил на пальце карту запуска машины геологической разведки.

— Собирайся, профессор. Ты едешь со мной.

Эрвин недоуменно приоткрыл один глаз.

— Понимаешь, в чем дело... — Шлиффен смущенно поскреб кончик носа. — У тебя в голове засели слишком мрачные мысли. Все эти разговоры о смерти, великих целях... Оставлять тебя здесь одного в таком состоянии просто опасно. Мало ли что тебе взбредет в голову.

— Если бы ты не лез своими разъемами куда попало, тебя бы не било током, лейтенант. И уверяю тебя, мои «мрачные мысли» тут совершенно ни при чем, — парировал Эрвин, устало вздохнув.

— И все-таки, — покачал головой Шлиффен. — Не хотелось бы вернуться и обнаружить твоё бездыханное тело посреди коридора. К тому же, ты сам подал мне отличную мысль. Кто знает, какие опыты ты решишь тут поставить в мое отсутствие, безумный гений? Так что поехали, прокатимся.

Эрвин промолчал, понимая, что спорить с упрямым солдатом — пустая трата сил.

Однако перед тем как пересадить профессора из инвалидного кресла, лейтенант проявил неожиданную деликатность. Он замер, заглянув Эрвину в глаза:

— Ты ведь не против?

— Поступай как знаешь, — тихо ответил тот.

Ночной воздух снаружи встретил их ледяным дыханием безвоздушного космоса, просочившимся сквозь шлюзы. Шлиффен, не раздумывая, стянул с себя плотную армейскую куртку и набросил ее на плечи парализованного спутника. Припаркованная у самого входа машина геологической разведки тихо урчала двигателем. Лейтенант аккуратно устроил Эрвина на пассажирском сиденье, надежно зафиксировал его ремнями безопасности, а затем бегом вернулся на станцию, чтобы забрать прихваченный из разбитого меха армейский реанимационный набор — самую ценную вещь, что у них осталась.

— И как управляется этот драндулет? — спросил Шлиффен, устраиваясь за рулем.

— Принцип тот же, что и у обычного мусоросборщика, — отозвался Эрвин.

— Идеально! Люблю технику, где управление не сложнее тостера, — ухмыльнулся лейтенант.

Он выжал педаль акселератора. Легкая двухместная разведывательная машина сорвалась с места и покатила по неровной каменистой равнине, подпрыгивая на ухабах.

— Э-ге-гей! — весело завопил Шлиффен, искренне наслаждаясь бешеной тряской.

— Поверить не могу... Еще шесть часов назад ты выглядел так, будто готов заживо лечь в могилу, — покачал головой Эрвин, глядя на этого ненормального.

— Ну, такова уж натура альф, — хохотнул Шлиффен, ловко объезжая очередной валун. — Терпеть не могу раскисать. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на уныние. Надо брать от каждого дня всё!

— Брать всё? — скептически прищурился Эрвин. — И под этим ты понимаешь взлом внутренней системы безопасности? Твоя неуемная энергия заставила тебя разобрать пульт управления камерами в рубке и перенаправить сигнал напрямую на твой нейрочип. Забавно было подглядывать за мной из своей каморки?

Шлиффен мгновенно осекся. Радостный вопль застрял у него в горле.

— Так ты... заметил?

— Разумеется. Знаешь, какое это облегчение — наконец-то высказать тебе всё в лицо?

Лейтенант предпочел тактично промолчать, сосредоточив всё внимание на дороге.

— Раз уж ты у нас такой мастер на все руки, на обратном пути будь добр, верни камеры в исходное состояние.

— Ладно, сделаю... — буркнул Шлиффен.

Машина лавировала между нагромождениями острых камней. Лучи фар едва пробивали плотную космическую темень, выхватывая лишь узкий клочок каменистой тропы прямо перед колесами. Шлиффен, опасаясь, что неподвижного профессора выбросит на очередном ухабе, левой рукой крепко держал его за рукав куртки. Лобового стекла у машины геологической разведки не было, и ледяной, колючий вихрь беспрепятственно атаковал их лица. Когда тусклые огни базы окончательно растворились во мраке позади, возникло жуткое и одновременно щемящее чувство, будто во всей Вселенной не осталось никого, кроме них двоих.

Эрвин погрузился в свои мысли, замороженно глядя в пустоту, когда Шлиффен вдруг нарушил молчание:

— Знаешь, почему общество тебя так невзлюбило, профессор? Потому что далеко не все хотят становиться «совершенными». Оглянись вокруг. Тот простой, несовершенный мир, который ты пытался переделать, на самом деле прекрасен.

Эрвин промолчал, лишь плотнее сжав губы.

Шлиффен снова уставился на дорогу:

— Если мне суждено сгнуться на этой Богом забытой скале, я потрачу остаток дней на то, чтобы выбить из твоей головы эти бредовые идеи о спасении человечества. Ты можешь сколько угодно называть себя великим ученым и кичиться своими ста шестнадцатью годами, но для меня ты просто глупый, упрямый ребенок. Ты ровным счетом ничего не понимаешь в жизни, профессор. Настоящий маленький дуралей.

Подобная фамильярность — называть человека, превосходящего тебя возрастом едва ли не вчетверо, «малышом» или «дуралеем» — была типичной замашкой альфа. Капитан Галин, к примеру, постоянно величал вице-председателя Шуберт «моей крошкой», хотя Анни давно вышла из нежного возраста и кротостью нрава никогда не отличалась.

После поспешного отбытия Планка вся тяжесть государственных визитов легла на плечи Анни. Необходимость лично докладывать о ситуации президенту вызывала у нее панический ужас, граничащий с тошнотой.

Галактическая Федерация разрослась на десятки звездных систем, но верховный правитель у нее оставался один. Человек, занимающий этот пост, неизбежно становился кумиром миллионов граждан, но снискать искреннюю любовь среди собственного аппарата чиновников ему едва ли удавалось.

Президент Дуайт Адамс не отличался представительной внешностью: невысокий, смуглый, он старался держаться в тени и избегал излишнего пафоса. До своего триумфального восхождения на политический олимп он долгие годы прослужил в Министерстве финансов — пожалуй, самом адском ведомстве Федерального правительства. Если бесконечные бюрократические дебаты и согласования законопроектов изнурили душу, то ежегодная грызня за распределение бюджета ломала даже самых стойких. Выжить в этом жерле и подняться на самый верх могли лишь люди исключительной хватки и стального самообладания.

В отличие от своего эксцентричного предшественника, Адамс не щеголял престижными дипломами элитарных академий. Его главным оружием всегда оставались прагматизм, осторожность и абсолютная политическая дальновидность.

В его окружении не было фаворитов, но одного человека Адамс недолюбливал вполне открыто — Планка Вейля. Председатель Ассоциации был слишком умен. Властолюбие большинства альфа базировалось на примитивных животных инстинктах, с которыми легко бороться, но в случае с Планком феноменальный интеллект превращал банальную жажду контроля в тонкую, всепроникающую паутину влияния. И это превращалось для правительства в настоящую головную боль.

По правде говоря, президент сомневался, что какой-то престарелый ученый-изгой способен в одиночку поставить Федерацию на колени. Но еще меньше он верил в искреннее желание Планка защищать государственные интересы. Сложившийся кризис лишь подтверждал давнее опасение Адамса: Ассоциация академий сосредоточила в своих руках недопустимо много власти, превратившись в метастазирующую опухоль, унаследованную от прежнего кабинета министров.

— Господин президент, вице-председатель Ассоциации госпожа Шуберт ожидает в приемной,
— раздался тихий голос секретаря из динамика.

Адамс коснулся сенсорной панели:

— Пригласите её ко мне.

— Слушаюсь, господин президент.

Роскошный президентский кабинет, оформленный в строгом классическом стиле с обилием резного темного дерева, заставил Анни почувствовать легкое головокружение. Последний раз она переступала этот порог около пяти лет назад, но до сих пор с содроганием вспоминала тот тяжелый разговор.

— Добрый день, господин президент, — вежливо произнесла Анни, слегка склонив голову, и опустилась на предложенный стул.

— Как ваше самочувствие, госпожа Шуберт? Предложу вам чаю или кофе? — Адамс продемонстрировал безупречные манеры.

Анни вежливо отказалась бы, но субординация требовала принять гостеприимство хозяина кабинета.

— Благодарю вас, чашечку чая, если можно.

Как только слуга бесшумно поставил перед ней чашку, президент без лишних предисловий перешел к делу:

— Мне необходима предельно объективная оценка личности Эрвина Германа. При всем уважении к обещаниям господина Вейля, государственные аналитики сочли его отчеты поверхностными. Перед своим отъездом Планк заверил меня, что вы лично возглавите расследование и предоставите детальный анализ. Скажите, документ готов?

Подобная прямота избавила Анни от необходимости подбирать витиеватые вступления. Она уверенно открыла на планшете подготовленное досье:

— Эрвин Герман — выпускник одного из наших передовых технологических институтов. Впоследствии он защитил докторскую степень в области молекулярной биологии. Более полувека назад именно его исследовательская группа стояла у истоков разработки базового интерфейса системы «Оуэн». Логика ее архитектуры известна ему до мельчайших нюансов. Исходя из имеющихся данных, его приоритетная цель — вывод из строя гравитационных генераторов пространственного перехода, так называемых искусственных черных дыр.

— Но ведь это ключевые объекты оборонной инфраструктуры. У него личные счеты с армией?
— Адамс до сих пор недоумевал, почему одно лишь упоминание этого ученого приводило маршала Йоханнеса Зекта в ярость.

— Мне сложно судить о личных мотивах, — дипломатично уклонилась Анни. Тонкости армейских интриг и личных симпатий всегда вызывали у нее стойкое отторжение. — Однако, зная характер профессора, могу утверждать: им никогда не руководили мимолетные эмоции. К нему неприменимы стандартные психологические паттерны обычных преступников.

— И все же вы утверждаете, что понимаете ход его мыслей. Поделитесь вашим личным мнением о нем, — на губах президента заиграла едва заметная, скептическая усмешка.

Анни мысленно чертыхнулась. Лихорадочно взвешивая каждое слово, она ответила:

— Он... фанатично предан своему делу. Но круг его интересов всегда ограничивался исключительно чистой наукой. Герман никогда не интересовался политикой или дрызгами коллег.

Адамс задумчиво перелистнул страницу на своем терминале:

— Допустим. Однако архивные рапорты свидетельствуют о его регулярных и весьма жестких конфликтах с маршалом Зектом.

— В тот период профессор Герман курировал интеграцию системы «Оуэн» в оборонный комплекс. Столкновение интересов гражданских специалистов и высшего генералитета в таких масштабах неизбежно.

— Вы с поразительным упорством пытаетесь его оправдать, госпожа Шуберт.

Анни удивленно вскинула глаза, но промолчала, ожидая продолжения.

— Когда пятьдесят лет назад военный трибунал готовил обвинительное заключение против господина Германа... — Адамс сверился с экраном, — Комитет по правам Омег внезапно засыпал канцелярию официальными протестами и потребовал проведения независимой экспертизы. Весьма неординарный шаг для столь закрытой структуры, не находите?

Кровь отхлынула от лица Анни, сделав ее бледной как полотно.

— И благодаря их давлению смертной казни удалось избежать, — дружелюбный тон президента окончательно сменился ледяным спокойствием. — После чего подсудимого передали на поруки Ассоциации академий для «внутреннего надзора». Моя память мне не изменяет?

Президент поднялся со своего места и неторопливо подошел к панорамному окну. Из его кабинета открывался великолепный вид на самый грандиозный искусственный парк Титана. Инженерные климатические купола поддерживали изумрудную зелень газонов в идеальном состоянии круглый год. Огромная рекреационная зона была открыта для всех желающих, но сейчас там не было ни души.

«И стоило ли идти на поводу у этих прекраснодушных ученых из Ассоциации? — цинично подумал Адамс. — Надо было закатать всё в бетон под многоуровневый терминал».

Впрочем, Адамс не был тираном. Поняв, что довел несчастную чиновницу до прединфарктного состояния, он решил прекратить это давление. Полюбовавшись еще мгновение безупречным пейзажем, президент вернулся к своему столу:

— Я детально изучу ваши выкладки чуть позже, госпожа Шуберт. Главное, чего я хочу избежать — это открытого конфликта между Ассоциацией и Генеральным штабом. Профессор Герман взломал оборонные протоколы и лишил нас ключевого транспортного узла. Поймите маршала Зекта: на рубежах внешних систем застряли тысячи солдат без снабжения и связи. Это чрезвычайная ситуация планетарного масштаба. К расследованию уже подключены федеральные маршалы и Прокурорский комитет. Надеюсь, руководство Ассоциации проявит благоразумие и окажет следствию всестороннюю помощь.

Анни, несмотря на всю свою политическую наивность, прекрасно расслышала скрытую угрозу в словах Адамса. Ей оставалось лишь покорно кивнуть, как провинившейся школьнице.

— Я поняла вас, господин президент. Оставляю документы у вас. Позвольте откланяться, — она поднялась и покинула кабинет с еще более натянутой, скованной осанкой, нежели при входе.

В тишине опустевшего кабинета раздался вкрадчивый синтезированный голос персонального помощника, транслируемый прямо в слуховой нерв президента:

— Вы излишне суровы к ней. Мониторинг ее показателей фиксирует критический скачок давления.

Адамс никогда не обольщался насчет интеллектуальных способностей ИИ, созданного инженерами Ассоциации, и не собирался следовать его советам.

— Планк умышленно подставил под удар свою подчиненную, чтобы отвести подозрения от себя, — холодно ответил он вслух. — Хотя рыльце в пушку у них обоих. Я слишком хорошо знаю повадки сильных альф — те, кому удастся выжить в нашей системе, дураками не бывают по определению. Но и недооценивать эту тихую бету на посту вице-председателя я не намерен. Передай распоряжение секретарю: пусть Прокурорский комитет начнет негласную проверку ее счетов и связей. И сделайте это деликатно, пока военная разведка маршала не наложила на дело свои лапы.

В глубине души Анни понимала Эрвина гораздо лучше, чем пыталась показать на встрече. В тех материалах, которые она утаила от президента, содержались поразительно точные прогнозы относительно дальнейших шагов беглого ученого. И эти прогнозы полностью совпадали с тем, что профессор замышлял в действительности.

Именно поэтому Эрвин, которого бесцеремонно затащили в кузов машины геологической разведки и заставили участвовать в этой безумной ночной вылазке, выглядел столь отрешенным. Он вяло реагировал на бесконечную болтовню своего спутника, погруженный в собственные масштабные расчеты.

— Ого! — восторженно выдохнул Шлиффен, заставив Эрвина поморщиться.

Голосовые связи альф порой выдавали такую мощь, что профессору нестерпимо захотелось зажать уши. К сожалению, парализованные руки лишали его этой простой роскоши.

— Приехали! Гляди туда! — лейтенант победно указал рукой в темноту.

Машина геологической разведки замерла у кромки глубокого обрыва. Примерно в трехстах метрах впереди зияла колоссальная тектоническая расщелина. Раскаленной магмы на дне не было, но в кромешной тьме ледяного плато эта гигантская ветвящаяся полоса багрового свечения выглядела поистине завораживающе. От бездны поднимались плотные, осязаемые волны жара, с силой бьющие в лицо и мгновенно растапливающие иней на воротниках.

Шлиффен заботливо расстегнул воротник куртки на Эрвине, спасая его от перегрева, после чего перевел бортовую систему разведывательной машины в режим ручного маневрирования.

— Какая первобытная красота! Настоящая огненная река среди льдов! — Шлиффен крепче сжал руль, сияя от восторга, словно мальчишка на аттракционе.

— Изумительное зрелище, — сухо и буднично отозвался Эрвин. — Вот только глубина этого разлома колоссальна, а температура на дне способна расплавить свинец. Наш узел связи висит прямо на отвесной стене ущелья. Искренне надеюсь, что тебя не пришибет случайным обломком породы до того, как ты закончишь ремонт. И еще больше надеюсь, что лебедка этого драндулета выдержит твой вес и тебя не поджарит, как кусок отборной говядины на гриле.

Шлиффен на секунду завис, переваривая столь мрачное напутствие.

— Чего уставился? Инициатива была твоей, так что дерзай. Желаю удачи, — Эрвин позволил себе легкую, едва заметную ироничную усмешку. — Ну же, лейтенант. Покажи, на что способен настоящий альфа.

<http://bllate.org/book/18311/1756274>